2.

Иванъ Туртыгинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ было королевствѣ, жилъ былъ царь, и у царя была дочь одна разъединая. Были у ней няньки и мамки. Разъ она выпросилась въ садъ погулять съ няньками и мамками; поднялся вихорь и унесъ Скипетру-царевну. Няньки и мамки закидались, забросались: «Какъ мы царю скажемъ?» Сказали царю; тотъ въ упадокъ пришелъ. «Какъ мнѣ быть? Какъ ее вернуть?» Кликнулъ кличъ—не отыщетъ ли кто. Пріѣхали короли изъ иной земли—никто не можетъ. Собралъ царь простонародье—не можетъ ли кто отыскать? Тотъ говоритъ: «Не могу». Другой: «Не могу. Мы не зна(е)мъ, гдѣ отыскать». Позади людей стоитъ мастеровой человѣкъ, Иванъ Туртыгинъ, и говоритъ: «Если мнѣ царь половину царства отдастъ, а ее въ жены—я отыщу!» Народъ услыхалъ, взяли его, привели къ царю: «Вотъ, ваше царское величество, онъ обѣщается, только бы вы исполнили». Тотъ говоритъ: «Царское слово свое не измѣню». Иванъ Туртыгинъ и говоритъ: «Все, что мнѣ нужно, чтобы все было готово: былъ бы мнѣ большой корабь, матросы да въ услуженіе мнѣ стараго служащаго». У царя все готово. Поплылъ Иванъ Туртыгинъ. Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ этотъ самый Змѣй Горынычъ живетъ; оставилъ корабь, а самъ пошелъ пѣшій. Подходитъ къ царству—пастухи скотину пасутъ.

«Что, пастухи, чье это царство?» «Змѣя Горыныча». «А что онъ у васъ женатъ, али холостъ?» «Нѣтъ, онъ недавно женился: у бѣлаго царя дочь унесъ». «А что, мнѣ придти можно?» «Можно: у насъ ни часовыхъ, ни вѣстовыхъ».

Всходитъ Иванъ Туртыгинъ въ палаты, беретъ Скипетру-царевну за руку и уводитъ съ собой. Увелъ на корàбь, велѣлъ корабельщикамъ, чтобы на палабу какъ можно пороху насыпàть и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдругъ Змѣй Горынычъ узналъ и—въ погонь. Они зажгли порохъ, онъ крылья спалилъ и отлетѣлъ. «Ну, хорошо же! Теперь ты», говоритъ,—«Иванъ Туртыгинъ, поплывешь: заѣзжай къ моей сестрицѣ, Лютой Змѣицѣ, снеси ей отъ меня поклонъ». «Хорошо». Доплываетъ до этого мѣста, гдѣ сестра его, оставляетъ корàбь, а самъ идетъ къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ. «Здравствуй», говоритъ,—«Дѣвица Лютая Змѣица! Тебѣ Змѣй Горынычъ кланяться велѣлъ». Она говоритъ: «Благодарю. Садись! Гость будешь. Давай со мной въ шашки играть». «Извольте». Сѣли они. Играли, играли—и видитъ Иванъ Туртыгинъ, что она его обыгрываетъ: бросилъ шашки и говоритъ: «Это что за шашки? У меня вотъ на кораблѣ—ну такъ шашки! Я за ними схожу». Она не отпущаетъ его: «Ты, говоритъ, обманешь!» «Вотъ вамъ, если такъ, а я стараго г е н е р а л а оставлю, когда не вѣрите; а самъ сейчасъ приду».

Всходитъ на корàбь и велитъ на двѣ четверти пороху на палубу насыпать. Дѣвица Лютая Змѣица видитъ, что его нѣтъ, собрала своихъ подданныхъ и—въ погонь за нимъ. Собралась ихъ туча и полетѣла. Она вслѣдъ кричитъ: «Топите корàбь!» Иванъ Туртыгинъ увидалъ и велѣлъ зажечь порохъ. Тѣ налетѣли, какъ дикіе камни—сталъ корàбь качаться. Какъ порохъ взорвало, такъ ихъ и разметало въ море. Оставшіе полетѣли къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ назадъ. Она во второй разъ еще больше силы собрала, чтобы этотъ корàбь утопить. Иванъ Туртыгинъ еще больше велѣлъ пороху насыпать. Раскидалъ ихъ опять половинную часть, коли не больше. Они улетѣли и говорятъ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ: «Достать его нельзя!» Она вышла и говоритъ: «Ну, обманулъ ты Змѣя Горыныча, обманулъ меня Дѣвицу Лютую Змѣицу; поѣдешь мимо—заѣзжай къ дѣдушкѣ Кривому Богатырю, скажи поклонъ». «Хорошо заѣду». Доѣзжаетъ до мѣста, оставилъ корàбь, а самъ ушелъ

къ Кривому Богатырю. Кривой Богатырь сидитъ обѣдаетъ: жареный быкъ передъ нимъ да чанъ воды. «Здравствуй, дѣдушка Кривой Богатырь!» «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Куда тебя это, какъ Богъ занесъ?» «Къ тебѣ побывать пріѣхалъ. Дѣвица тебѣ Лютая Змѣица кланяется. Была, говоритъ, у нашего батюшки обжорлива корова: по стогу сѣна съѣдала, по́ чану воды выпивала». «Ты еще, Иванъ Туртыгинъ, молодёхонекъ надо мной старикомъ смѣяться». «Прости, дѣдушка Кривой Богатырь, я пошутилъ». «Ну, ничего: садись со мной обѣдать». Сѣлъ, поѣлъ, дѣлать нечего и видитъ—плохо дѣло: выдти негдѣ ему отъ него. «А, чай», говоритъ,—«дѣдушка, тебѣ какъ хочется, чтобы о б ѣ и́м и глазами глядѣть?» «Когда бы не хотѣлось—все бы лучше обѣими-то видѣлъ». «Я тебя вылѣчу: обѣими будешь глядѣть. Нѣтъ ли у васъ олова?» «Когда же нѣтъ?» Растопилъ Иванъ Туртыгинъ олово. «Нужно тебя теперь къ столбу привязать!» Привязалъ къ столбу, середь двора. «Поворотись-ка!» Кривой Богатырь какъ поворотился, куды все пошло! «Ну, нѣтъ, тебя надо старыми моржовыми ремнями привязать. Нѣтъ ли?» Тотъ сыскалъ. Привязалъ Иванъ его; велѣлъ поворотиться. Старикъ поворотился—ремни держатъ. Иванъ взялъ олово, растопилъ и вылилъ ему въ послѣдній глазъ. «А, Иванъ Туртыгинъ, обманулъ ты меня, да нѣтъ не обманешь! Д в е р и д е р ж и! К а л и т к и д е р ж и и з а б о р ы д е р ж и!» Нѣтъ Ивану Туртыгину ходу: ходилъ, ходилъ, выдти некуда. У старика овцы были. Вотъ онъ взялъ къ нимъ зашелъ, да себя барану подъ брюхо и подвязалъ. Кривой Богатырь ходитъ, ищетъ Ивана Туртыгина, нигдѣ не найдетъ. Кривой и вскричалъ: «Барашекъ, поди сюда!» Барашекъ одинъ подойдетъ, онъ его погладитъ, а Иванъ то своего барана въ бокъ уколетъ, тотъ богатыря то рогами хлыстъ: «Шалишь, барашекъ!» А баранъ то вдругорядь. Осердился Кривой Богатырь, взялъ его за рога и выкинулъ черезъ заборъ, на у л и ц у. Иванъ Туртыгинъ ушибся; отвязался, полежалъ малость, всталъ и говоритъ: «Ну, дѣдушка Кривой Богатырь, прощай!» «А, обманулъ Змѣя Горыныча, обманулъ Дѣвицу Лютую Змѣицу, обманулъ и меня, Криваго Богатыря! Пойдешь лѣсомъ, тамъ есть сабля, возьми ее: годится тебѣ!»

Подходитъ Иванъ Туртыгинъ къ лѣсу, видитъ виситъ сабля, на деревѣ качается, и думается ему: «Если мнѣ ее взять, кабы чего

не было». Взялъ мизинчикомъ тронулъ, а дѣдушка Кривой Богатырь кричитъ: «Держи!» Мизинчикъ и присталъ. Взялъ Иванъ Туртыгинъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Шелъ путемъ дорогой; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко́ ли—и усталъ. Нашелъ на него Заплетай Заплетаичъ, сорокъ рукъ, сорокъ ногъ и облапилъ его; и не можетъ онъ отъ него отодраться. На себѣ его долго носилъ, даже усталъ; шелъ и запнулся за мертвую богатырскую голову. Взялъ да и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: «Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше схорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ» (отъ Заплетая Заплетаича стало быть). Присѣлъ Иванъ, вырылъ ямку и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: «Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавиться: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападешь на ягоды; однѣ ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды—пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай, черезъ плечо; когда онъ напьется, ты сядь на припорѣ солнца».

Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетаичъ опьянѣлъ, уснулъ: и руки, и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ. Бёгъ онъ мало ли много ли, подходитъ къ другому лѣсу, и дерутся левъ съ окаяннымъ. Увидали его—окаянный и говоритъ: «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Помоги мнѣ лютаго звѣря убить!» А лютый звѣрь говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ! Ужли ты меня на окаяннаго смѣняешь? Помоги мнѣ! Вотъ тебѣ коверъ самолетъ и шапка невидимка, если мнѣ поможешь».

Онъ взялъ саблю и снесъ съ окаяннаго голову. Левъ и говоритъ: «Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу!» Довезъ онъ его до царства, снялъ съ себя и говоритъ: «Ну, Иванъ Туртыгинъ, дòпьяна не напивайся, а мной звѣремъ не похваляйся!» Простились. Левъ ушелъ.

Въ царствѣ—звонъ страшный; народу по улицѣ страсть ходитъ. Онъ и спрашиваетъ: «Что у васъ за звонъ?» «Да у нашего царя свадьба скоро будетъ. Генералы ѣздили, царевну привезли; такъ за одного она выходитъ» (царевна то ему при разставаньи, кольцо имянное дала). «Чай посмотрѣть можно?» «Можно. Царевна у насъ все изъ своихъ рукъ всякому подноситъ». Приходитъ, докладываютъ, что иностранецъ съ поздравленіемъ пришелъ. Она выходитъ и выноситъ ему стаканъ вина.

Онъ принимаетъ; она и увидала на немъ свое кольцо. Беретъ его за руку, ведетъ къ отцу въ палату. «Вотъ, батюшка, мой избавитель!» Женихъ осердился. «Ну», говорятъ,—«разкажи, какъ вы ее достали?» Онъ и не можетъ.

Генерала повѣсили, а Ивана Туртыгина въ царскую одёжу одѣли. Веселымъ пиркомъ да за свадьбу. Пили, гуляли долго. Иванъ напился, да и говоритъ: «Гдѣ бы мнѣ къ вашей свадьбѣ поспѣть, кабы меня лютый звѣрь левъ не подвезъ». Лютый звѣрь услыхалъ и идетъ, зубами скрипитъ. «Подайте мнѣ виноватаго!» Того высылаютъ, другого. «Нѣтъ, не тотъ. Виноватаго давайте!» Иванъ Туртыгинъ услыхалъ и говоритъ: «Ну, батюшка, видно мнѣ идти надо къ лютому звѣрю». Выходитъ и говоритъ: «Виноватъ! Прости!» «Нѣтъ, не прощу, я тебя п о х и ч у!» «Пожалуйста прости! Тогда меня похить, когда я тебя угощу. Погуляй и ты на моей свадьбѣ».

Принесли корыто и налили въ него разныхъ винъ. Левъ напился и повалился. Его и сковали: и ротъ и ноги, всего. К а к ъ онъ проснулся и говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ, вспомни Бога, отца и мать! Раскуй меня, лютаго звѣря!» «Нѣтъ, не раскую; а вотъ выпей еще, тогда раскуемъ». Еще налили. Левъ напился до́пьяна, его и расковали. Проснулся левъ, у б ё г ъ, да и говоритъ: «Кто вино это пьетъ—недобрый человѣкъ. Тутъ не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!» А Иванъ Туртыгинъ женился на Скипетръ-царевнѣ и сталъ жить да поживать.

(Записано со словъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).